

РЕЧЕВОЙ КОНФЛИКТ (К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Белоконенко Людмила Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент

Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара

Статья посвящена вопросу научного исследования речевого конфликта. Автор рассматривает речевой конфликт как коммуникативное явление с характерной ему стратегией и тактикой, обосновывает необходимость использования различных научных принципов в его изучении, что дает возможность полноценно выявлять факторы, формирующие конфликт.

Ключевые слова: *речевой конфликт, лингвоконфликтология, коммуникативная стратегия/тактика; когнитивный, прагматический, культурологический анализ.*

Длительное время лингвистика рассматривала язык как явление абстрактное, оторванное от действительности и жизни. Изучение правил порождения речи не касалось говорящих, реального процесса коммуникации, не учитывало использование речевых единиц в определенных условиях порождения сообщения. И только включение в принципы научного исследования субъектов речевого общения, речевых ситуаций, условий и форм взаимодействия коммуникантов способствовало развитию теории речевого взаимодействия и возникновению новых способов лингвистических исследований. Все сказанное в значительной степени соотносится с понятием речевого конфликта. Представление об этом феномене присуще каждому человеку, и каждый имеет относительно его толкования свое мнение. Как

правило, конфликт трактуют как состояние открытой, часто затяжной борьбы сторон, мнений, сил; состояние дисгармонии в отношениях между людьми; столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов или субъектов взаимодействия [1, 87]. Большой теоретический материал о конфликте, накопленный учеными в XX веке, отражается в различных подходах и теоретических платформах. В первой половине прошлого века конфликт не выделялся в отдельный объект исследования, являясь составной частью иных явлений. С 50-х годов XX в. и до сегодня исследователи обращаются все чаще к сути этого феномена, подвергая рассмотрению реальное конфликтное поведение человека.

Предмет нашего изучения – речевой конфликт, рассматриваемый как коммуникативный феномен, исследование которого требует комплексного подхода (когнитивного, прагматического, культурологического).

Цель исследования – обосновать необходимость использования различных научных принципов в процессе изучения взаимодействия оппонентов в конфликтной речевой ситуации. В основу работы положено предположение о том, что речевой конфликт является особым коммуникативным событием, которое происходит при определенных условиях и реализуется комплексом разноуровневых средств.

Материалом, который позволил нам сделать некоторые выводы о принципах исследования речевого конфликта, являются художественные тексты начала XXI века украинских писательниц (С. Андрухович, Г. Вдовиченко, М. Гримич, И. Карпа, Л. Дашвар, Л. Денисенко, М. Матиос, Н. Околитенко, М. Соколян, Л. Таран, Г. Тарасюк, И. Роздобудько и др.).

Теория речевого конфликта как коммуникативного, социального и культурного явления, опирается на общие положения психолингвистики, социолингвистики, прагмалингвистики и теории коммуникативной

лингвистики (Н. Арутюнова, Р. Барт, Ш. Берн, В. Богданов, Л. Выготский, Р. Грановская, А. Зарецкая, А. Земская, К. Изард, В. Карасик, И. Кобозева, Е. Кубрякова, А. Леонтьев, Н. Пилат, И. Сабурова, А. Семенюк, Е. Тарасов, Б. Хасан и др.). Изучение речевого конфликта постепенно определяет и зоны особого внимания, чему способствуют и научные исследования в области лингвоконфликтологии, которые стали и объектом диссертационных работ (Н. Голев, И. Гулакова, С. Ильенко, И. Кудряшова, А. Матвеева, Т. Непшекуева, Е. Ручкина, Т. Соловьева и др.). Лингвоконфликтология выступает как новое современное направление лингвистики, которое исследует конфликтное и бесконфликтное поведение с позиции языковых и внеязыковых проявлений и с учетом когнитивных, прагматических и культурологических знаний (Г. Анисимова, О. Даниленко, Р. Дервин, Н. Муравьева, К. Седов, М. Пютц, В. Третьякова и др.) [4; 6; 7; 8; 9].

Прежде всего, в анализе речевого конфликта необходимо учитывать когнитивный аспект, который определяется через анализ образа конфликтной ситуации, отвечающей картине конфликта. Каждая сторона имеет свое мнение о себе в конфликте и об оппоненте в конфликте, о причинах и условиях возникновения спора, об образах собственных действий, намерений и позиций, равно как и о другой стороне. Благодаря субъективности представления, конфликтант показывает себе и транслирует свое понимание конфликтной ситуации оппоненту в искаженном (или не совсем правильном!) виде; считает себя ‘жертвой’ и тратит время на поиск недостатков у другой стороны, но свои не видит и не признает; собственные действия воспринимает как правильные (логичные, законные, справедливые, разумные и т. п.), а действия оппонента – со знаком ‘минус’. В данной ситуации психологи считают важным учитывать подходы каждой из сторон к конфликту и аспекты влияния когнитивного мира личности на ее поведение

[5, 110-111]. Когнитивных подходов к конфликтам выделяется два: реалистический – оппоненты имеют реальные претензии друг к другу, но их взаимодействие предполагает и поиск конструктивного решения; и нереалистический – выражение агрессивных импульсов, не направленных на достижение конструктивного результата. Важным считается и влияние когнитивного мира человека на его поведение, при этом вырисовываются определенные виды отношений: взаимно позитивные – стороны ищут взаимоприемлемый результат, хотя и с эмоциональным напряжением; взаимно негативные – стороны относятся друг к другу враждебно; односторонние позитивно-негативные – возникают, когда один из субъектов имеет негативную позицию по отношению к другому, а другая сторона пытается наладить контакт; односторонние противоречиво-позитивные – одна сторона имеет позитивный настрой, а вторая колеблется между положительной и отрицательной оценкой оппонента; односторонние противоречиво-отрицательные – один субъект колеблется между симпатией и антипатией, другой относится к оппоненту отрицательно; обезличенные – восприятие конфликтантами друг друга как субъектов, выполняющих только определенные социальные функции. Речевыми показателями выступают: обман, притворные, лицемерные, неискренние слова и действия оппонентов; преувеличенное одобрение или порицание, искаженная подача информации; ничем не подтвержденная догадка, основанная на общих размышлениях или предположениях. Эти показатели дают возможность говорить о субъективном восприятии лингвистической ситуации, в которой конфликтная реальность трансформируется во внутреннюю предубежденность. В художественных произведениях подобная конфликтность реализуется описанием сомнений персонажей, констатацией эмоции отвращения, подчинения, страдания, обиды, растерянности, отчаяния, для чего используется оценочная лексика,

риторические вопросы и обращения, восклицательные, побудительные и оборванные предложения (*Апостол різко мене перебив: – При чім тут філфак?; Ця ідіотка мені зраджує... Зраджує!!! І то з ким! З ким?! ... Ти розумієш, врешті-решт?!; Що ти верзеш? – Це не я верзу, це вона верзе; Райко! Убий тих малих, щоб не вили, бо я тебе саму вб'ю!*). Когнитивный аспект анализа показал, что в речевых конфликтах между персонажами почти в 85% случаев образы конфликтных ситуаций не совпадают, 90% конфликтантов убеждены, что они жертвы спора; около 95% персонажей уверены в непорядочности оппонента, 87% оправдывают любые свои действия. В общем плане только 35% проанализированных конфликтов были реалистические, остальные – нереалистические.

Прагматические аспекты в речевом конфликте определяются благодаря анализу сценария несоответствия речевой акции/реакции. Данный принцип исследования базируется на анализе коммуникативных стратегий и тактик оппонентов. В конфликтологии коммуникативная стратегия рассматривается как средство управления конфликтом (работы И. Гулаковой, М. Желтухиной, Е. Кара-Мурзы, Г. Ложкина, Н. Муравьевой, Н. Повякель). В рамках прагмалингвистики стратегия определяется как ‘совокупность речевых действий’ (И. Труфанова), как ‘разработанные сообразно содержательной цели правила, оргресурсы и последовательность коммуникативных действий, которой придерживается участник коммуникации’ (С. Дацюк); как ‘результат организации речевого поведения говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией’ (И. Борисова). Коммуникативная тактика есть ‘иерархически более мелким уровнем планирования речевого поведения и выступает в качестве способа реализации стратегии’ [1, 9]. Исследовательница В. Андреева выделяет стратегию уклонения (тактики: уход от ответа, уклонение от темы, контроль над темой,

переадресации); игнорирования (тактики: игнорирования, молчания); открытого негативного реагирования (тактики: отказа, возражения, возмущения, оскорбления, отрицания) [1, 9-10]. Принимая названные выше точки зрения, мы все же хотели бы заметить, что считаем необходимым основывать прагматический анализ не только на речевых акциях/реакциях, но и включать в круг вопросов психологический аспект конфликта, а именно: конфликтные стратегии поведения соотнести с речевыми стратегиями (тем более что в названной выше классификации никак не учтен тот факт, что конфликт может разрешаться (или завершаться) с помощью речевых форм). Эта соотнесенность видится нам как модель, в которой конфликтная стратегия предопределяет коммуникативную по схеме: ‘борьба→негативная реакция, игнорирование’ (модель 1) реализуется в жестких и средних тактиках (захват объекта конфликта, физическое и психологическое насилие, давление); ‘уступка→уклонение’ (модель 2) – в тактиках фиксации своей позиции и дружелюбия; ‘сотрудничество, компромисс→позитивная реакция’ (модель 3) – в мягких тактиках дружелюбия и соглашения. В процессе коммуникации модель 1 на уровне конфликтного взаимодействия реализуется в конфликтогенах отрицания, угрозы, обидных прозвищах, слова-обязательствах, в приказе, негативной оценке, насмешке, снисходительном тоне, повышении голоса, сокрытии информации, нарушении этических норм, обмане, агрессии и манипулировании. На уровне языка – в лексических и синтаксических повторах, оценочной лексике, отрицании, молчании, с помощью акустических средства, которые сопровождают и дополняют звуки речи (*Я не віддам Платона в руки експериментаторів від медицини!; Не теренди й не переч, жінко!... І маму-небіжку мою лиши в спокої!; Сказав лише: Це ти так вирішила?... Це я так вирішив, второпала?*). Модель 2 на уровне конфликтного взаимодействия реализуется в отказе от ответа,

уклонении от темы, смене темы, переадресации, замалчивании, обмане (*Жінка здивовано поправила халат на грудях і нічого не відповіла; Яка прикрість... – Помовчала і додала: – Розлучайся; Попленталася до вітальні. Тихо опустилася в крісло навпроти матері. Завмерла; Він посміхається, тяжко дихаючи. – Ну от, думаю я, намагаючись удавати, ніби нічого не помічаю...*). На уровне языка модель 2 не требует особых форм, как и модель 3, которая не использует и конфликтные проявления.

Культурологический аспект речевого конфликта дает возможность выявить стереотипы, установки, этические и эстетические идеалы; гендерные, возрастные, ролевые и др. представления о ‘правилах’ поведения оппонентов в конфликте, которые соответствуют менталитету народа. Но, с другой стороны, каждый конфликтант имеет и свое представление о ситуации и создает свою область дозволенного, которая выявляет индивидуальные особенности речевого поведения в его разнообразии и вариативности. Именно эта область речевого поведения является наиболее интересной для исследователя. Тексты украинских писательниц отражают общий эмоционально-чувственный характер украинского человека в его восприятии конфликта. Общими показателями речевых конфликтов являются: описание персонажами своих эмоций, настроения; объяснение собственных действий, поступков и слов; желание переубедить оппонента; умение чувствовать сомнение, размышлять, анализировать, сравнивать; способность к искренности в коммуникации. В лингвистическом плане для этого используются восклицательные, вопросительно-риторические, оборванные, побудительные предложения, предложения с условной модальностью, двойное отрицание, глаголы многократности и однократности действия, а так же молчание, паузы, кинетические и мимические показатели (*Та йди ти, – роздратовано відмахнулася вона; Сперечатися з нею марно. Вона фугас.*

Розмінувати її можна лише поцілунком; Мені однаково, чи це поезія..., чи кіч, чи маячня, чи брехні, чи правда, чи анекдот, чи політичне гасло!).

Выводы. Речевое конфликтное поведение характеризуется разнообразием форм, спецификой норм и правил коммуникативной деятельности собеседников, поэтому комплексный анализ – необходимость. Все аспекты изучения (когнитивный, прагматический, культурологический) являются важной составляющей комплексного анализа. Исследователю необходимо иметь информацию об объективных условиях жизни конфликтантов, которые формируют речевое поведение человека. Каждая сторона имеет свой образ конфликтной ситуации, представляя его в реалистическом/нереалистическом и позитивном/негативном плане (когнитивный план). Изучение сценария акции/реакции и соотнесенности речевой и эмоциональной реакций является основой прагматического аспекта. Дополняется ‘картина’ конфликта культурологическим аспектом, отражающим общий эмоционально-чувственный характер ‘украинского конфликта’. Разноаспектный анализ языкового материала, зафиксированного в произведениях известных украинских писательниц, позволяет нам сделать вывод, что коммуникативная стратегия и тактика персонажей, зафиксированная в речевых конфликтах, соответствует определенным речевыми моделями, которые отвечают различным ситуациям конфликтного типа и представляют собой разного рода коммуникативные комбинации.

Литература

1. Андреева В. Ю. Стратегии и тактики коммуникативного саботажа : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Курск, 2009. – 23 с.
2. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. – М. : ЮНИТИ – Дана, 2001. – 591 с.

3. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2004. – 152 с.

4. Даниленко О. А. Язык конфликта как объект лингвосоциологии. – Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 89–98.

5. Ложкин Г. В., Повякель Н. И. Практическая психология конфликта. – К. : МАУП, 2000. – 256 с.

6. Муравьева Н. В. Язык конфликта. – М. : Термика, 2004. – 214 с.

7. Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте лингвистической конфликтологии [Электронный ресурс] // Диалог-2002 : междунар. конф. – М., 2002. – URL: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7379&y=2002&vol=6077> (10.01.13)

8. Третьякова В. С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт. – Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2009. – 230 с.

9. Dirven R., Pütz M. Language conflict seen from the perspective of the rationalist and romantic models: new developments // Southern African Linguistics and Applied Language Studies. – 2007. – 25(3). – P. 303–317.

Verbal conflict (to the question of the principles of scientific research)

Bilokonenko Liudmyla

Abstract. The article focuses on the scientific study of verbal conflict. The author considers the verbal conflict as a communicative phenomenon with its specific strategy and tactics, the necessity of the use of various scientific principles in its study that give us possibility to identify the factors causing the conflict.

Key words: verbal conflict, lingvokonfliktology, communication strategy/tactics, cognitive, pragmatic, cultural analysis.